

Свящ. Д. Лебедевъ.

ЕВСЕВІЙ НИКОМИДІЙСКІЙ

И

ЛУКІАНЪ.

(Къ вопросу о происхожденіи аріанства).

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1912.

www.Word-BookShop.narod.ru

Оттискъ изъ № Богословскаго Вѣстника за 1912 г.

Печатать дозволяется. Апрель 2 дня, 1912 г.

Ректоръ Академіи, *Епископъ Θεодоръ*.

Евсевій никомидійскій и Лукіанъ.

(Къ вопросу о происхожденіи арианства).

Для вопроса о происхожденіи арианства имѣеть первостепенную важность вопросъ объ отношеніи Арія къ его учителю—антиохійскому пресвитеру и мученику Лукіану, основателю столь знаменитой впоследствии антиохійской школы.

Что и самъ Арій и его виднѣйшіе покровители, какъ Евсевій никомидійскій, Θεогній пикейскій, Марій халкидонскій, Минофантъ ефесскій, были дѣйствительно учениками св. Лукіана, это—фактъ, засвидѣтельствованный одинаково твердо, какъ самими арианами, такъ и ихъ противниками. Самъ Арій въ письмѣ къ Евсевию никомидійскому, называетъ его своимъ „солукіанистомъ“¹⁾; а Филосторгій перечисляетъ по именамъ и другихъ учениковъ Лукіана²⁾.

Съ другой стороны самъ Александръ александрійскій въ письмѣ къ одноименному съ нимъ епископу вессалоникскому, представлявшемъ повидимому только болѣе полный экземпляръ его *τόμος*'а, разосланнаго раньше ко всемъ епископамъ, состоявшимъ, какъ и самъ епископъ александрійскій, подъ владычествомъ Лиکنія, прямо называетъ Лукіана учителемъ Арія и вмѣстѣ съ тѣмъ ученикомъ („преемникомъ“ видимо по управленію богословской школой) Павла самосатскаго, и сообщаетъ, что Лукіанъ оставался (послѣ низложенія Павла) долгое время въ общенія съ тремя (антиохійскими) епископами (Домномъ, Тимеемъ и Кирилломъ)³⁾.

¹⁾ Theodoret. h. e. I, 5. *Vales: συλλουκιανιστὴ ἀληθῶς; Εὐσεβίῃ.*

²⁾ Philostorg. h. e. II, 3, 14. III, 15.

³⁾ Theodoret. h. e. I, 4 Val. p. 15 В: *αὐτοὶ γὰρ Θεοδίδαστοι ἴσασί, ὅτι ἀγροαίντες, ὅτι ἡ ἑκαστοῦ τῇ ἐκκλησιαστικῇ εὐσεβείᾳ διδασκαλίᾳ, Ἐβλιωρό;*

Точно также и св. Епифаній ¹⁾ называетъ Лукіана учителемъ арианъ, самихъ ихъ „лукіанистами“, и въ частности приписываетъ Лукіану извѣстное арианское ученіе, что Сынъ Божій при воплощеніи принялъ одно только человѣческое тѣло, мѣсто же души занимала сама его „божественная“ природа.

Но всѣ эти историческія свидѣтельства, ставящія вѣтъ сомнѣнія зависимость арианской догматической системы отъ ученія Лукіана, не даютъ однако никакого основанія судить о томъ, какъ далеко простиралась эта зависимость, какіе изъ арианскихъ положеній принадлежатъ Лукіану, и какія представляютъ выводъ изъ ученія Лукіана, сдѣланный самимъ Аріемъ.

Тѣмъ не менѣе А. Гарнакъ находитъ, что и приведенныхъ скудныхъ данныхъ совершенно достаточно для того, чтобы съ полною увѣренностью считать Лукіана „Аріемъ до Арія“ и отнести на его счетъ рѣшительно всѣ особенности арианской системы, такъ что на счетъ самого Арія не остается ничего. Пользуясь тѣмъ сообщеніемъ св. Александра, что Лукіанъ былъ ученикъ Павла самосатскаго (и самъ Лукіанъ едва ли не былъ родомъ изъ Самосаты же) Гарнакъ чрезвычайно остроумнымъ образомъ объясняетъ самое происхождение лукіанизма=арианства, какъ своеобразную комбинацію ученія Павла самосатскаго съ ученіемъ Оригена. У Павла самосатскаго Лукіанъ заимствовалъ его ученіе о Богѣ Отцѣ—какъ Существѣ безусловно единомъ живомъ личномъ Духѣ, въ Себѣ имѣющемъ Слово, но слово неипостасное, и ученіе о Сынѣ Божіемъ, какъ Существѣ свободномъ, по природѣ подверженномъ измѣненію, но пребывающемъ благимъ по

ἔστι καὶ Ἀρειεῖς, καὶ ζῆλος τοῦ κατὰ Ἀντιοχείαν Παύλου τοῦ Σαμοσατίως, συνόδου καὶ κρίσει τῶν ἀπανταχοῦ ἐπισκόπων ἀλοκληροῦθέντος τῆς ἐκκλησίας ὃν διαδεξιόμενος Λουκιανὸς, ἀποσπνύγωνος ἔμεινε τριῶν ἐπισκόπων πολυετείς χρόνους. ὢν τῆς ἀρεβείας τὴν τρυγίαν ἐρροσφικότες, νῦν ἡμῖν οἱ ἐξ οὐκ ὄντων ἐπερῆσαν, τὰ ἐκείνων κεκρυμμένα μοιχεύματα, "Αρειος τε καὶ Ἀχιλλᾶς, καὶ ἡ τῶν σὺν αὐτοῖς ληθηρομένων σύνοδος.—Объ адресатѣ и славія *Ἡ φίλαρχος*, въ которомъ содержится приводимыя строки. см. В. В. Болотовъ, Theodoretiana—Хр. Чт. 1892, II, 121. 148—154.—Отрывокъ изъ *τομος* см. у E. Schwartz, Zur Geschichte des Athanasius въ Nachrichten v. d. Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen Phil hist kl. 1905. H. 3. SS. 265—7.

¹⁾ Epiph. haer. 69.5

своей волѣ; у Оригена же—ученіе о Сынѣ Божіемъ, какъ второмъ Богѣ, существѣ весьма совершенномъ, однако ни въ чемъ несравнимомъ съ Отцемъ, какъ его твореніи. Комбинируя это ученіе съ павловымъ (аристотелевскимъ) ученіемъ о Богѣ, какъ существѣ самодовлѣющемъ, Лукіанъ не имѣлъ возможности отождествить Сына Божія съ сущимъ въ самомъ Богѣ Словомъ и вынужденъ былъ признать его твореніемъ въ строгомъ смыслѣ слова, происшедшимъ во времени и изъ ничего. При воплощеніи Сынъ Божій принялъ одно тѣло; а слѣдовательно всѣ аффекты и душевная борьба во Христѣ, о которыхъ говорится въ евангеліи, принадлежать самому Логосу. Какъ существо тварное, Сынъ Божій подлежалъ измѣненію и въ нравственномъ смыслѣ. Но Богъ, предвидя, что онъ устоитъ въ добрѣ, при самомъ сотвореніи его далъ ему всю ту славу, какую онъ заслуживалъ за свой нравственный подвигъ ¹⁾.

Это ученіе есть чистое арианство, тѣмъ не менѣе, думаетъ Гарнакъ—вотъ эта та комбинація системы Павла самосатскаго съ оригеновскимъ и церковнымъ ученіемъ о *Λόγος χριστός* и была для Лукіана тѣмъ мостомъ, чрезъ который онъ соединился съ церковію.

Эта попытка поставить арианство въ генетическую связь съ ученіемъ Павла самосатскаго, особенно интересна въ томъ отношеніи, что она прекрасно уясняетъ одну не совсѣмъ ясную подробность системы Арія: его ученіе о Сынѣ Божіемъ, какъ существѣ измѣняемомъ въ нравственномъ смыслѣ,—подробность непонятную тѣмъ болѣе, что здѣсь Аріи былъ даже не совсѣмъ послѣдователемъ и, излагая со всею ясностью это ученіе объ измѣняемости Сына Божія ²⁾ въ своей

¹⁾ A. Harnack, Lehrbuch der Dogmengeschichte B. II. 3 Auflage Freiburg im B. und Leipzig 1894. SS. 182—186 [=2 Aufl. SS. 187—188]=4 Aufl (Teubingen 1909) SS. 186—190; особенно II° 187: In der lucianischen Doctrin ist der Adoptianismus mit der Logos—*χριστός*—Lehre verknüpft, und diese Lehrform ist mit den Mitteln der aristotelischen Philosophie durchgeführt und kritisch-exegetisch aus den Bibel begründet.

²⁾ Athan. or. contr. ar. I, 9 (изъ *Θάλασσα*) *ὄχι ἔστιν ἀτρέπτος ὡς ὁ Πατήρ, ἀλλὰ τρεπτός ἐστι πρὸς ὡς τὰ χρισμάτα*. I, 5 (повидимому, не въ *Θάλασσα*, [какъ принимаю я въ Христ. Чтенія 1911, июль-августъ стр. 857 и R. Seeberg DG. II° (1910) S. 22] а *ἐν τοῖς ἑτέροις ἐπὶ τὸν ἀσυγκρίτιστον*). [Это однако не-совершенно безспорно, I, 5 у Афанасія в. начинается извлеченіями изъ

Θάλας, въ своихъ писмахъ не только къ Александру александрийскому, но и къ самому Евсевию никомидійскому на-

Θάλας. И прежде всего приводится самое ея начало: *Ἡ—ἀρχὴ τῆς Ἀρειανῆς θάλας καὶ κορυφολογίας*. Далѣе приводится изъ нея цѣлый рядъ „полныхъ вестей“ выражений, въ родѣ: *οὐκ ἔστι ὁ θεὸς πατὴρ ἦν—οὐκ ἔστι ἦν ὁ υἱὸς πάντων γὰρ γενόμενος ἐξ οὐκ ὄντων—καὶ αὐτὸς ὁ τοῦ θεοῦ λόγος ἐξ οὐκ ὄντων γέγονε καὶ ἦν ποτε ὅτε οὐκ ἦν*—этотъ рядъ безпорныхъ извлечений изъ *Θάλας* заканчивается у Аванасія изложениемъ ученія Арія у двухъ премудростяхъ и двухъ Логосахъ въ Богѣ: *δύο γοῦν σοφίας φησὶν εἶναι, μίαν μὲν τὴν ἰδίαν καὶ συναπάρχουσαν τῷ θεῷ, τὴν δὲ υἱὸν ἐν ταύτῃ τῇ σοφίᾳ γεγενῆσθαι καὶ ταύτης μετέχοντα ἀνομάσθαι μόνον σοφίαν καὶ λόγον, ἡ σοφία γὰρ, φησί, τῇ σοφίᾳ ἐπλήρεε σοφοῦ θεοῦ θελήσει. οὕτω καὶ λόγον ἕτερον εἶναι λέγει παρὰ τὸν υἱὸν ἐν τῷ θεῷ, καὶ τούτων μετέχοντα τῶν υἱὸν ἀνομήσθαι πάλιν παρὰ ἡρώην λόγον καὶ υἱὸν αὐτόν*. Далѣе Аванасій в. пишетъ: *ἔστι δὲ καὶ τοῦτο τῆς εἰρήσεως αὐτῶν ἴδιον φρόνημα, δηλοῦμενον ἐν ἐτέροις αὐτῶν συγγραμμάσιν, ὅτι πολλὰ δυνάμεις εἰσιν καὶ ἡ μὲν μία τοῦ θεοῦ ἐστιν ἰδία φύσις καὶ αἰδιος, ὁ δὲ Χριστὸς πάλιν οὐκ ἔστιν ἀληθινὴ δύναμις τοῦ θεοῦ, ἀλλὰ μία τῶν λεγομένων δυνάμεων ἔστι καὶ αὐτός, ὧν μία καὶ ἡ ἀφροῖς καὶ ἡ κάμπη, οὐ δύναμις μόνον ἀλλὰ καὶ μεγάλη προσαγορεύεται (Іоиль, 2, 25) εἰ δ' ἄλλοι πολλὰ καὶ ὁμοίᾳ εἰσι τῷ υἱῷ, παρὰ ὧν καὶ Δαβὶδ πάλαι λέγων κύριος τῶν δυνάμεων (Псал. 23,10) Далѣе слѣдуетъ интересующая насъ тирада объ измѣняемости Сына *καὶ τῇ μὲν φύσει... ὧν φύσεως*. Далѣе Аванасій продолжаетъ: *διὰ τοῦτο γὰρ, φησὶ [слѣд. самъ Аріѳ, если это φησὶ точно], καὶ προγενέσκων ὁ θεὸς πεποιήκε*. Совершенно очевидно, что эта послѣдняя тирада (ди: тоῦτο—πεποιήκε) представляетъ собою продолженіе непосредственно предшествующей (ди: тоῦτο относится къ *μὲντε καλος*), и слѣд. если она, судя по *φησὶ*, принадлежитъ самому Аріѳу, то ему же принадлежитъ и предшествующая. А слѣд. волинь возможно, что выдержки изъ „другихъ сочиненій“ арианъ—(αὐτῶν, не αὐτῶν) заканчивается словами *κύριος τῶν δυνάμεων*, а со словъ *καὶ τῇ μὲν φύσει* начинаются слова выдержки изъ *Θάλας*. Цитуется *Θάλας* снова у Аванасія в. уже въ п. 6 и не въ самомъ началѣ, но такимъ образомъ, что не исключается возможность того, что и предшествующее заимствовано тоже изъ *Θάλας*. I, 6 въ началѣ: *Ἐλεῖν δὲ πάλιν ἐτόλμησεν [слѣд. самъ Аріѳ], ὅτι οὐδὲ θεὸς ἀληθινός ἐστιν ὁ λόγος—τῶν δὲ γενητῶν καὶ κτισμάτων ἴδιος καὶ εἰς αὐτῶν τυχεῖν. μετὰ δὲ τούτων ὁσπερ καὶ διάδοχος τῆς προπετείας τοῦ διαβόλου γενόμενος ἔθηκεν ἐν τῇ θάλας, ὡς ἔρε καὶ τῷ υἱῷ πάτηρ ἀόρατος ὑπάρχει*. А самый конецъ п. 6 и начало п. 7 говорить повидимому за то, что все предшествующее, за исключеніемъ только небольшого отрывка изъ какого-то другого сочиненія заимствовано изъ *Θάλας*: Арія. п. 6. *τούτοις γὰρ ἐφθέγγετο, ταῖς ῥήμασιν ὁ ἀσεβής—ταῦτα μὲν τῶν ἐν τῷ γελόϊφ συγγράμματι κεμένων μεθιδίων ἐστὶν Ἀρείου [изъ п. 4 видно, что γελόϊφ συγγράμματι есть именно *Θάλας*] п. 7. *Τίς τοῦτον τῶν τοιούτων καὶ τοῦ μέλου; τῆς θάλας οὐκ ἠσθησεν ἐν δικῇ κρίσει τὸν Ἄρειον ὡς ἐπὶ σεληνῆς περὶ τοιούτων*.—Откуда видно, что существенное содержаніе пп. 5—6 у Аванасія в. составляютъ извлеченія изъ *Θάλας*; а отрывокъ изъ какихъ то другихъ сочиненій арианъ относи-**

оборотъ прямо говорить, что Богъ Отецъ создалъ Сына неизмѣняемымъ и непреложнымъ.

Такимъ образомъ, какъ въ особенности это ясно изъ сообщеній св. Александра въ *Ἡ φίλαρχος*, ариане въ проведеннѣ

тельно „многихъ силъ“ въ Богѣ выведенъ на справку лишь по аналогіи съ ученіемъ Арія о двойной премудрости и двойкомъ словѣ въ Богѣ. Тирада объ измѣняемости Сына такой аналогіи не содержитъ; но по своему содержанию примыкаетъ къ этой ближайшей предшествующей выдержкѣ изъ *Θάλασσα* [Сынъ Божій по участию въ собственномъ Словѣ Бога Отца названъ по благодати Словомъ и Сыномъ. И по природѣ какъ всѣ, такъ и само Слово измѣняемо, но по собственной волѣ, пока захочетъ, остается благимъ, а когда захочетъ, можетъ и измѣниться, какъ и мы, будучи измѣняемъ по природѣ] и не стоитъ ни въ какой связи съ тирадою относительно „силъ“, которая заканчивается выраженіемъ псалмопѣвца: „Господь силъ“—Во всякомъ случаѣ въ Хр. Чт. 1911, 857 я не сдѣлалъ ошибки, сославшись на с. аг. I, 5 въ доказательство доникейскаго происхожденія антиохійскаго анаеаметизма. Если даже данное мѣсто I, 5, заимствована и не изъ *Θάλασσα*, то уже самый его характеръ, а также приводимыя далѣе параллельныя мѣста изъ посланій св. Александра, доказываютъ, что оно заимствовано изъ доникейскихъ сочиненій арианъ. Зависимость же антиохійскаго анаеаметизма отъ *Θάλασσα* во всякомъ случаѣ ясна и изъ с. аг. I, 9.) *καὶ τῆ μὲν φύσει ὡσπερ πάντες οὗτο καὶ αὐτός ὁ λόγος ἐστὶ τρεπτός, τῷ δὲ ἰδίῳ αὐτεξουσίῳ, ἕως βούλεται μένει καλός, ὅτε μέντοι θέλει δύναται τρεπέσθαι καὶ αὐτός ὡσπερ καὶ ἡμεῖς τρεπτής ὢν φύσεως, διὰ τοῦτο γὰρ, φησί, καὶ προγαγόντων ὁ θεὸς ἕσθαι καλὸν αὐτόν, προλαβὼν αὐτῷ ταύτην τὴν ὁδὸν δέδοκεν, ἢν ἐνθρονοῦ καὶ ἐκ τῆς ἀρετῆς ἔρχεται ταῦτα, ὥστε ἐξ ἔργων αὐτοῦ, ὡν προέγινε ὁ θεός, τοιοῦτον αὐτὸν γὰρ γενέμεν πεποιήκαμεν.* Alex. Alex. ap. Socr. I 6 (Ἐνὸς σώματος) *Διὸ καὶ τρεπτός ἐστι καὶ ἀλλοίωτός τῆς φύσει, ὡς καὶ πάντα τα λογικά --- Ἡρώτημα γοῦν τις αὐτοῦ, εἰ δύναται ὁ τοῦ Θεοῦ λόγος τρεπέσθαι ὡς ὁ διάβολος ἐτρέπευ, καὶ οὐκ ἐφροβήθησαν εἰπεῖν, καὶ δύναται, τρεπτής γὰρ φύσεώς ἐστι, γεννητός καὶ τρεπτός ἐπάργων.*—Alex. ad Alex [Thessal ap Theodoret I, 4. Val. *Ἡ φίλαρχος*] p. 10 D. *καὶ φασὶν αὐτὸν τρεπτής εἶναι φύσεως, ἀρετῆς τε καὶ κακίας ἐπιδεικτικὸν --- δυναμέμεν γοῦν καὶ ἡμεῖς, φασὶν οἱ ἀλέστωρες (11) υἱὸς γενεσθαι Θεοῦ, ὡσπερ κακίανος γέγραπται γὰρ, υἱὸς ἐγέννησα καὶ ὄψασα, ἐπιφερομένων δὲ αὐτοῦ τῶ λέγοντος ἐξῆς τὸν ἠητοῦ, αὐτοῦ δὲ μὴ ἠθέτησαν, ὅπερ οὐ φραζοῦν ἐστὶν, τῷ σωτήρ, ὅτι τῆς φύσεως ἀτρέπτου, πάσης εὐλαβείας ἐαυτοῦ ἐρημίσαντες, τοῦτο φασὶ, προγγώσι καὶ προθεωρίαι, περὶ αὐτοῦ εἶδοντες τὸν θεὸν ὅτι οὐκ ἀθετήσαι, ἐξελλέσθαι αὐτοῦ ἀπὸ πάντων, οὐ γὰρ φύσει καὶ κατ' ἐξάρτητον τῶν ἄλλων ἔχοντι τι --- ἄλλα καὶ αὐτὸν τρεπτής τυγχάνοντα φύσεως, διὰ τρόπων ἐπιμελείαν καὶ ἀσκησιν μὴ τρεπόμενον ἐπὶ τὸ χεῖρον, ἐξελέσαστο, ὡς εἰ καὶ Παῦλος τοῦτο βύσσειτω καὶ Πέτρος, μηδὲν διαφέρειν τοῦτον τὴν ἐκείνην φύσιν, εἰς παράστασιν δὲ τῆς φρονοβλαβῆος ταύτης διδασκαλίαις, καὶ ταῖς γραφαῖς ἐπιμαρουνοῦντες, καὶ περὶ αὐτοῦ τὸ ἐν ψαλμοῖς περὶ Χριστοῦ στήτον, οὕτως ἔχων, ἠγάπησας δικαιοσύνην, καὶ ἐμίσησας ἀδικίαν, διὰ τοῦτο ἔχρησέ σε ὁ θεός σου ἕλιον ἐγγαλλήσας περὶ τοῦς μετόχους σου.*

этого воззрѣнія о неизмѣняемости Сына заходили гораздо дальше, чѣмъ допускало ихъ основное воззрѣніе на Сына, какъ первое и совершеннѣйшее твореніе Бога Отца, какъ на посредника между Богомъ и міромъ, чрезъ котораго Богъ создалъ и Св. Духа и весь міръ, доходили до сравненія его съ простыми людьми. Эта „аріанская теорія“—по справедливому сужденію В. В. Болотова (Уч. Оригена о св. Троицѣ стр. 408—409)—„представляетъ въ странномъ свѣтѣ все существованіе Сына Божія до Его воплощенія. Онъ избраннѣйшее изъ твореній, единый происшедшій непосредственно изъ единого, Слово и Премудрость, хотя и въ собственномъ смыслѣ, посредникъ въ твореніи міра; но ни одно изъ этихъ преимуществъ не принадлежитъ ему въ полномъ смыслѣ; по Своему существу Онъ не имѣетъ на нихъ положительнаго права, Своею свободою двѣятельностью Онъ еще не заслужилъ ихъ: превознесенный выше всѣхъ, Онъ не имѣлъ прочной опоры для Своего величія, и воплощеніе,—даже прежде чѣмъ появился грѣхъ,—уже необходимо прежде всего для самого же Сына“.—Напротивъ въ системѣ Навла Самосатскаго, для котораго Сынъ Божій, какъ личность, и не существовалъ до своего воплощенія, такое ученіе было вполне понятно ¹⁾.

¹⁾ Epist. Arii ad. Alex. ap. Ath. de syn. c. 16 (*Ἡ πίστις ἡμῶν*) *Θεὸν γενήσαντα υἱὸν μονογενῆ πρὸ χρόνων καὶ αἰώνων, δι' οὗ καὶ τοὺς αἰῶνας καὶ τὰ πάντα ἅμα πεποιήκει γενήσαντα δε οὐ δοξάσει ἀλλὰ ἐληθεῖ ἐποστήσαντα ἰδίῳ θελήματι ἀτρέπτον καὶ ἀναλλοιώτον, χρίσμα τοῦ Θεοῦ τέλειον. κ. τ. χ.* Изъ контекста ясно, что *ἰδίῳ θελήματι* относится къ волѣ Бога Отца, не къ волѣ Сына (*ἐποστήσαντα* какъ и двукратное *γενήσαντα* относится къ *Θεῷ*): Богъ Отецъ по Своей волѣ (а не по природѣ) создалъ Сына „неизмѣняемо и непреложно“. Ep. Aril. ap. Euseb. ad. Theodoret I, 5: *διδάσκουμεν, ὅτι ὁ υἱὸς οὐκ ἔστιν ἐγέννητος, οὐδὲ μέρος ἐγέννητον κατ' οὐδένα τρόπον, οὐδὲ ἐξ ἐποκειμένου τινος, ἀλλ' ὅτι θελήματι καὶ βουλῇ ὑπέστη πρὸ χρόνων καὶ αἰώνων πλήρης Θεός μονογενής, ἀεὶ ἀλλοιώτος.*—*θελήματι καὶ βουλῇ* противопоставляется здѣсь ученію о Сынѣ, какъ нерожденномъ, или части нерожденного, или происшедшемъ изъ какого нибудь матеріала и вообще рѣчь идетъ о происхожденіи Сына; слѣд. Аріій говоритъ „о волѣ и совѣтѣ“ Бога Отца, не Сына. Въ виду этого попытку примирить это ученіе Арія о неизмѣняемости Сына съ его же ученіемъ о неизмѣняемости Сына въ томъ смыслѣ, что Онъ остался неизмѣняемымъ фактически, потому что пребылъ въ добрѣ ((такъ, кажется, думаетъ Спасскій (стр. 175) видимо вслѣдъ за Гармакомъ (II S. 200) Somit ist er vermöge seines Willens unveränderlich geworden. 201 S. v Nach dem Brief des Eusebius an Paulin scheint es, als habe Eusebius die

Я думаю, что Гарнакъ въ данномъ случаѣ вполне правъ: другого, лучшаго объясненія этой странной особенности арианской доктрины кажется и представить невозможно, и въ добавокъ связь арианства съ учениемъ Павла самосатскаго засвидѣтельствована Александромъ александрийскимъ.

Но слѣдуетъ ли отсюда, что св. Лукіанъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ былъ „Аріемъ до Арія“ и ему именно принадлежать и такія положенія арианъ, „какъ *ἦν ποτε οὐκ ἦν*“ и „*ἐξ οὐκ ὄντων*“ которыя собственно и вызвали полемику со стороны св. Александра александрийскаго?

Прежде всего необходимо слѣзлатъ оговорку. Православная церковь считаетъ Лукіана пресвитера антиохійскаго, пострадавшаго при Галеріи (въ 311 г.), въ числѣ своихъ святыхъ (память 15-го октября, хотя пострадалъ онъ, кажется, 7 января): поэтому считать его родоначальникомъ арианства для насъ представляется неудобнымъ. Поэтому на православныхъ ученыхъ повидимому лежитъ долгъ защитить православіе Лукіана. Такъ понимаетъ свою задачу и проф. А. А. Спасскій. Но въ дѣйствительности, св. Лукіанъ не былъ еретикомъ-арианиномъ уже потому одному, что умеръ за 14 лѣтъ до 1-го вселенскаго собора, когда вселенская церковь осудила арианство, какъ ересь, умеръ не только въ мірѣ съ церковью, но и какъ мученикъ. Уже эта одна мученическая кончина искупала всѣ его возможные догматическія заблужденія. А потому нѣтъ надобности доказывать, что ученіе св. Лукіана о Сылѣ Божіимъ было совершенно согласно съ никейскимъ символомъ и съ арианствомъ не имѣло ничего общаго. Будетъ достаточно, если будетъ

Unveränderlichkeit des Sohnes eine wesenhafte gehalten; er meint aber wohl nur, sie sei zum Wesen geworden) и Гуоткиномъ, (который въ письмѣ Арія къ Александру предлагалъ огнести *ὁμοὺ θελήματι καὶ ἀναλλοδιότου*—*Gwathkin*² 25.³) нельзя признать удачною. Правы В. В. Болотовъ, 406,3 и В. Н. Самуиловъ 30,14, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ учениемъ Арія въ его различныхъ стадіяхъ развитія.—Какъ указываетъ самъ Гарнакъ II³ 196 s. v. II² 201 s. v. сами ариане вносилъ дѣйствія [не только вносилъ дѣйствія, какъ доказываютъ письма Арія] разсматриваютъ немалую важность Сына, какъ даръ Отца (данный Ему при твореніи), ибо Филосторгій VIII, 3 приводитъ, какъ особенность ученія арианскаго (евноміанскаго) епископа Θεодосія, что овъ училъ *ὡς ὁ Χριστὸς τρεπτός μετ' τῆ γε φύσει τῆ οὐσίας, ἐκτελείς δὲ τῶν ἀρετῶν ἀνπροβλήτως εἰς τὸ ἀρετῶν ἀνωφύηται.*

показано, что на Лукіанъ не лежитъ ответственности за всё крайности арианской доктрины, возбужденней такой соблазнить въ церкви и волновавшей ее болѣе полувѣка, что его ученіе было ближе къ православію, чѣмъ чистое арианство.

Но взглядъ Гарнака не свободенъ отъ возраженій съ чисто исторической стороны. (Если Лукіанъ былъ „Аріемъ до Арія“, то почему же его ученіе не вызвало никакихъ возраженій при его жизни, почему ученики его видимо безъ всякихъ возраженій занимаютъ виднѣйшія епископскія кафедръ въ Малой Азіи, и самъ Аріій дѣлается александрійскимъ пресвитеромъ и занимаетъ эту должность при трехъ александрійскихъ епископахъ? Что же побудило Александра вдругъ измѣнить свое отношеніе къ Арію, если не произошло никакой перемѣны если не въ его основныхъ воззрѣніяхъ, то по крайней мѣрѣ въ его богословскомъ языкѣ, въ терминологіи? И былъ ли самъ Аріій мыслителемъ и писателемъ настолько неоригинальнымъ, что не былъ въ состояніи рѣшительно ни въ одномъ пунктѣ пойти дальше своего учителя, сдѣлать новый выводъ изъ данныхъ имъ посылокъ, развить яснѣе тѣ или другія его положенія. Конечно, Лукіанъ жилъ въ такое время, когда христіанамъ было не до богословскихъ споровъ, но именно поэтому отъ него и трудно ожидать, чтобы онъ именно былъ творцомъ такой оригинальной и стройной въ цѣломъ системы, какъ система Арія, во всѣхъ ея подробностяхъ, такъ что на долю Арія не оставалось уже ничего. И конечно Аріій не былъ и не могъ быть по своему положенію простого пресвитера дѣйствительно признаннымъ вождемъ своей партіи; но и сводить къ нулю все его значеніе и въ дѣлѣ самого возникновенія арианства нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній.

А. А. Спасскій¹⁾ дѣлаетъ добросовѣстную попытку показать, что ученіе Лукіана нельзя вполнѣ отождествлять съ арианствомъ и нельзя называть его „Аріемъ до Арія“. Но нельзя сказать, чтобы попытка эта была особенно удачна.

Конечно А. А. Спасскій²⁾ справедливо замѣчаетъ противъ

¹⁾ (стр. 157—171).

²⁾ (стр. 170).

Гарнака, который „въ своей исторіи догматовъ влагааетъ въ уста Лукіана почти всю арианскую систему“, что „доказательства а retro, т. е. заимствованныя изъ позднѣйшихъ данныхъ касательно арианскаго ученія, съ строго научной точки зрѣнія никогда не могутъ быть признаны самостоятельными“ [хотя, конечно, и это замѣчаніе способно вызвать такое возраженіе: но почему же, если нѣтъ никакихъ другихъ данныхъ для реконструкціи данной догматической системы, и разъ зависимость арианства отъ ученія Лукіана есть хорошо засвидѣтельствованный историческій фактъ?]. Но самъ не дѣлаетъ попытки выяснить, въ какихъ именно пунктахъ ученіе Арія отличается отъ ученія Лукіана.

А. А. Спасскій находитъ, что „въ сущности весь матеріалъ, которымъ располагаетъ наука для характеристики догматическихъ воззрѣній Лукіана сводится къ... двумъ пунктамъ: а)—несомнѣнно, что то понятіе о Богѣ, которое занимаетъ центральное мѣсто въ догматической системѣ арианства и опредѣляетъ всѣ дальнѣйшіе ея выводы, тождественно съ тѣмъ, какое нѣкогда защищалъ Павелъ самосатскій; естественно и до нѣкоторой степени необходимо допустить, что это наслѣдіе перешло отъ Павла арианамъ черезъ посредство Лукіана, ибо иначе невозможно было бы уяснить усвоеніе этого понятія со стороны арианъ“ [охотно признаю, что это и естественно и въ самой высокой степени вѣроятно, такъ какъ конечно Лукіанъ, даже порвавъ окончательно съ Павломъ и согласившись можетъ быть даже анатематствовать его ученіе, едва ли легко могъ отказаться отъ того ученія о Богѣ, съ которымъ свыкъся и которое формально не заключало въ себѣ ничего еретическаго; но такъ какъ это ученіе о Богѣ было аристотелевское, то ариане могли усвоить его и помимо Павла самосатскаго и Лукіана, слѣд. съ строго научной точки зрѣнія“ это предположеніе вовсе не необходимо, и противоположное предположеніе не невозможно] б)—по извѣстію Епифанія, „Лукіанъ отвергалъ человѣческую душу во Христѣ и училъ, что Богъ—Слово воспріялъ только плоть человѣка—, т. е. держался тѣхъ же самыхъ христологическихъ воззрѣній, какія впоследствии проповѣдывали ариане“.

[Конечно, и это тоже весьма вѣроятно, хотя совершенно доказаннымъ и этого пункта считать нельзя. Очень возможно,

что это—только выводъ, сдѣланный Епифаніемъ отъ ученія позднѣйшихъ лукіанистовъ къ ученію самого Лукіана. Съ ученіемъ Павла Самосатскаго этотъ пунктъ аріанской доктрины во всякомъ случаѣ не имѣеть ничего общаго, такъ какъ Павелъ признавалъ Христа простымъ человѣкомъ, въ которомъ Слово обитало *κατὰ ποιότητα* и не замѣняло мѣсто разумной души].

А. А. Спасскій, такимъ образомъ, не хочетъ повидимому соглашаться съ Гарнакомъ въ томъ, что аріане, чрезъ посредство Лукіана заимствовали у Павла самосатскаго его ученіе объ измѣняемости Сына въ нравственномъ отношеніи, о его нравственной *προκοπή*.

Въ замѣченіи А. А. Спасскій говоритъ: „Легко видѣть, что въ обоихъ главныхъ пунктахъ, опредѣлившихъ догматику Арія, Лукіанъ предупредилъ аріанство, хотя и нѣтъ основаній утверждать, что онъ уже пришелъ ко всѣмъ тѣмъ крайнимъ выводамъ, какіе высказаны были Аріемъ; эти выводы Лукіану были совершенно не нужны“ [но что это за выводы, и что именно было ему нужно?] и возможно думать, что въ вѣкъ Арія онъ отказался бы отъ защиты Павла самосатскаго“ (но онъ отказался отъ нея и въ свое время) называть его поэтому „Аріемъ до Арія“ нельзя. Тѣмъ не менѣе всѣ данныя, сохранившіяся о Лукіанѣ и его отношеніи къ аріанамъ, заставляютъ полагать, что и въ области догматики еще имъ намѣченъ былъ тотъ путь, на крайней точкѣ котораго лежала система аріанства.

Какіе именно крайніе выводы Арія не принадлежать его учителю Лукіану, А. А. Спасскій не пытается выяснитъ, хотя бы и предположительно.

Но въ самомъ ли дѣлѣ наука не имѣеть никакихъ положительныхъ данныхъ для сужденія о томъ, въ чемъ ученіе Лукіана хотя бы формально отличалось отъ аріанства? Ученіе Арія есть ли единственный источникъ для реконструкціи ученія Лукіана?

Оставляя пока въ сторонѣ такъ называемый „символь Лукіана“, въ которомъ ученіе о Сынѣ Божіемъ изложено въ выраженіяхъ весьма возвышенных¹⁾, такъ какъ степень уча-

¹⁾ Athan. de syn. 23: καὶ εἰς ἓνα Κύριον Ἰησοῦν Χριστὸν τὸν Υἱὸν αἰῶτος, τὸν ἀπογεννηθέντα Θεόν, δι' οὗ τὰ πάντα, τὸν γεννηθέντα πρὸ τῶν αἰώνων ἐκ τοῦ Πατ-

стія въ редактированіи этого символа самого Лукіана едва ли можетъ быть выяснена съ точностью; позволяю себѣ напомнить, что ученикомъ Лукіана, по словамъ самого Арія, былъ и Евсевій никомидійскій, отъ котораго мы имѣемъ письмо къ Павлину Тирскому, письмо небольшое, но все же дающее нѣкоторое понятіе о его догматическихъ воззрѣніяхъ.

Ученіе Евсевія никомидійскаго обыкновенно отождествляютъ съ ученіемъ самаго Арія. Но письмо къ Павлину не оправдываетъ этого взгляда. В. Н. Самуиловъ ¹⁾ на основаніи этого письма основательно отнесъ Евсевія къ числу оміевъ и въ недавнее время *Lichtenштейнъ* въ социальномъ изслѣдованіи объ Евсевіи никомидійскомъ вынужденъ былъ отмѣтить, что у Евсевія—по крайней мѣрѣ—по буквѣ нѣтъ „ἐξ οὐκ ὄντων“ ²⁾.

Разъ признана возможность отличія ученія Арія отъ ученія Евсевія, то становится ясно, что для рекомендаціи ученія Лукіана имѣютъ особенный интересъ тѣ пункты, гдѣ ученіе Евсевія неотличалось отъ ученія Арія; въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ возможность выслушать голосъ, такъ сказать двухъ свидѣтелей объ ученіи Лукіана, двухъ учениковъ его ³⁾.

ὁὸς. Θεὸν ἐκ Θεοῦ, ἕλον ἐξ ὄλων, μόνον ἐκ μόνων, τέλειον ἐκ τελείων, βασιλέα ἐκ βασιλέως, Κύριον ἀπὸ Κυρίου, Λόγον ζῶντα, σοφίαν, ζωσαν, φῶς ἀληθινόν, ὄδον, ἀλήθειαν, ἀνάστασιν, ποιμένα. Θύρα, ἀτρεπτον καὶ ἀναλλοίωτον τῆς θεότητος, οὐσίας τε καὶ βουλῆς καὶ δυνάμεως, καὶ δόξης τοῦ Πατρὸς ἀπαράλλακτον εἰκόνα, τὸν πρωτότοκον πάσης κτίσεως, τὸν ὄντα ἐν ἀρχῇ πρὸς τὸν Θεόν, Λόγον Θεόν κατα τὸ εἰρημένον ἐν τῷ εὐαγγελίῳ. „Καὶ Θεὸς ἦν Λόγος“ δι' οὗ τὰ πάντα ἐγένετο“, καὶ ἐν ᾧ τὰ πάντα συνέστηκε.

¹⁾ Самуиловъ, *Исторія арианства на латинскомъ западѣ* Спб. 1890. стр. 48.

²⁾ A. Lichtenstein. Eusebius v. Nicomidien Halle. 1903. S. 96—7.

³⁾ На письмо Евсевія къ Павлину, какъ на источникъ для реконструкціи системы Лукіана указываетъ и R. Seeberg. *Lehrbuch der Dogmengeschichte II* Leipzig 1910, ss. 18—19. S. 18: Aus den Äusserungen des Arius sowie des Eusebius von Nikomedien kann man seine spätere Christologie [христологію Лукіана по его отдѣленіи отъ Павла самосатскаго] mit einer gewissen Wahrscheinlichkeit rekonstruieren. S. 19 sub versu: Der Brief Eusebs an Paulinis von Tyrus gibt eine Übersicht seiner Lehre, sie kommt in der Sache mit Arius überein [съ ученіемъ Арія въ его письмѣ къ самому Евсевію], ohne doch formell von ihm abhängig zusein. Dann aber scheint der Schluss sicher zu sein, dass die gemeinsamen Ideen in den beiden Briefen die beiden Autoren gemeinsame Schullehre, d. h. die Lehre des Lucian zum Ausdruck bringen.—Зеебергъ однако думаетъ, что и Лукіанъ

Вотъ что пишетъ Евсевіи Павлину:

οὐτε δύο ἀγέννητα ἀκηκόαμεν, οὐτε ἕν εἰς δύο διμορμῆνον, οὐτε
 θεωρατικόν πεπονηθὲς μεμαθήκαμεν ἢ πεπιστεύκαμεν—ἀλλ' ἐν μὲν τῷ
 ἀγέννητον, ἐν δὲ τῷ ὑπ' αὐτοῦ ἀληθῶς, καὶ οὐκ ἐκ τῆς οὐσίας αὐ-
 τοῦ γεγονὸς, καθόλου τῆς φύσεως τῆς ἀγέννητου μὴ μετέχον, ἢ ὄν
 ἐκ τῆς οὐσίας αὐτοῦ, ἀλλὰ γεγονὸς ὁλοσχερῶς ἕτερον τῆ φύσει καὶ
 τῇ δυνάμει, προς τέλειαν ὁμοιότητα διαθέσεως τε καὶ δυνάμεως
 τοῦ πεπονηκότως γενόμενον, οὐ τὴν ἀρχὴν οὐ λόγῳ μόνον ἀδιήγητον,
 ἀλλὰ καὶ ἐννοίᾳ οὐκ ἀνθρώπων μόνον, ἀλλὰ καὶ τῶν ὑπὲρ ἀνθρώ-
 πους πάντων εἶναι ὑκατάληπτον πεπιστεύκαμεν, καὶ ταῦτα οὐχ ἰ-
 λογισμοὺς ἑαυτῶν ὑποθέμενον. ἀλλ' ἀπὸ τῆς γραφῆς μεμαθηκότες
 λέγομεν κτιστὸν εἶναι καὶ θεμελιωτὸν καὶ γεννητὸν τῇ οὐσίᾳ, καὶ τῇ
 ἀναλλοιώτῳ καὶ ἀρρήτῳ φύσει, καὶ τῇ ὁμοιότητι τῇ πρὸς τὸν πεπονη-
 κότα μεμαθήκαμεν ὡς αὐτὸς ὁ κύριος φησὶν ὁ θεὸς ἔκτισέ με ἐκ τῆς οὐ-
 σίας αὐτοῦ καὶ πρὸ τοῦ αἰῶνος ἐθεμελίωσε με. πρὸ δὲ πάντων τῶν
 βουθῶν γενῶ με· εἰ δὲ ἐξ αὐτοῦ, τοῦτ' ἔστιν ἀπ' αὐτοῦ ἦν, ὡς ἂν
 μέρος αὐτοῦ, ἢ ἐξ ἀπορροίας τῆς οὐσίας, οὐκ ἂν ἔτι κτιστὸν, οὐδὲ
 θεμελιωτὸν εἶναι ἐκέλετο -- τὸ γε ἐκ τοῦ ἀγέννητου ὑπάρχον, κτι-
 στὸν εἶναι ὑφ' ἑτέρου ἢ ὑπ' αὐτοῦ ἢ θεμελιωτὸν οὐκ ἂν εἶη, ἐξ
 ἀρχῆς ἀγέννητον ὑπάρχον. εἰ δὲ τὸ γεννητὸν αὐτὸν λέγεσθαι
 ὑπόφασιν τινα παρέχει, ὡς ἂν ἐκ τῆς οὐσίας τῆς πατρικῆς αὐτοῦ
 γεγονότα, καὶ ἔχειν ἐκ τούτου τὴν ταυτότητα τῆς φύσεως, γινώσκο-
 μεν ὡς οὐ περὶ αὐτοῦ μόνον τὸ γεννητὸν εἶναι φησὶν ἢ γραφῇ, ἀλλὰ
 καὶ ἐπὶ τῶν ἀνομοίων αὐτῷ κατὰ πάντα τῇ φύσει καὶ γὰρ ἐπ' ἀν-
 θρώπων φησὶν, υἱὸς ἐγέννησα καὶ ὑψωσα αὐτοὶ δὲ μὴ ἠθέτησαν·
 καὶ θεὸν τὸν γεννήσαντα σε ἐγκατέλιπτες, καὶ ἐν ἑτέροις φησὶ τίς
 ὁ τετυκῶς βόλους ὀρόσου οὐ τὴν φύσιν ἐκ τῆς φύσεως διηγούμε-
 νος, ἀλλὰ τὴν ἐφ' ἑκάστου τῶν γενομένων ἐκ τοῦ βουλήματος αὐτοῦ
 γένεσιν. οὐδὲν γάρ ἐστιν ἐκ τῆς οὐσίας αὐτοῦ, πάντα δὲ βουλήματα
 αὐτοῦ γερόμενα, ἕκαστον ὡς καὶ ἐγένετο ἔστιν ὁ μὴ γὰρ θεός, τὰ δὲ
 πρὸς ὁμοιότητα λόγῳ ὅμοια ἐδόμητα τὰ δὲ κατ' ἐκουσιασμόν γενό-
 μενα. τὰ δὲ πάντα δὲ αὐτοῦ ὑπὸ τοῦ θεοῦ γερόμενα πάντα δὲ ἐκ
 τοῦ θεοῦ.

Вотъ и все догматическое содержаніе этого писѣма. Въ немъ нѣтъ ни „ἐξ οὐκ ὄντων“ ни ἦν ποτε ὅτε οὐκ ἦν ни даже „πρὶν γεννηθῆναι οὐκ ἦν“, хотя въ цѣломъ вся эта аргумен-

признавалъ Сына Божія тварью, происшедшею во времени, но что не оправдываетъ письмо Евсевія къ Павлину. Книга Зееберга мною полу-чена была уже по окончаніи этой статьи.

тація Евсевія такава, що съ нею вполнѣ согласенъ былъ и самъ Аріій. Вся полемика Евсевія направлена противъ ученія о Сынѣ Божіемъ какъ „нерожденномъ“ или рожденномъ изъ существа Отца. Доказывая это положеніе, Евсевій ссылается и на извѣстныя слова Притчей (8, 22), „Господь создалъ меня началомъ путей своихъ— и прежде вѣка основалъ меня; прежде же всѣхъ холмовъ рождаеть меня“: если Сынъ произошелъ „изъ“ Бога, или „отъ“ Него, какъ часть Его, или какъ истеченіе сущности Его, то какъ же могло быть сказано о немъ, что Онъ созданъ или основанъ? существующее (получившее бытіе) изъ нерожденного, не было ни созданнымъ, „ни основаннымъ, будучи изъ начала нерожденнымъ“. Если же тотъ фактъ, что онъ называется также и рожденнымъ даетъ нѣкоторый поводъ говорить, что онъ произошелъ изъ существа Отца и имѣеть съ нимъ товарищество по природѣ, то мы вѣдь знаемъ, что писаніе и не объ немъ одномъ говоритъ, какъ о рожденномъ, но и о совершенно неподобныхъ Ему во всемъ, какъ напр. о людяхъ („Сыны родихъ и возвысихъ: тѣи же отвергошася Мене“ „Бога родившаго Тебя, ты основалъ“) и даже о капляхъ росы, указывая этимъ не природу отъ природы, но происхожденіе изъ воли Его, *ἐκ τοῦ βουλήματος αὐτοῦ*. ибо ничего не произошло изъ существа Его, все же происшедшее по волѣ его существуетъ такъ, какъ и произошло: Онъ Богъ: все же остальное произошло отъ Бога чрезъ Слово: *πάντα δὲ ἐκ θεοῦ* заключаетъ свою аргументацію Евсевій.

Но (на вопросъ, изъ чего именно родилось Слово, Евсевій не даетъ прямого отвѣта, не говоритъ, какъ Аріій *ἐξ οὐκ ὄντων*: и даже къ выводу, что Оно рождено, какъ и все прочее „изъ воли“ Отца подходитъ съ осторожностью)

Лихтенштейнъ ¹⁾ говоритъ правда, что въ этомъ *ἐκ τοῦ βουλήματος* высказывается ясно точка зрѣнія Арія, ибо и онъ свое *ἐξ οὐκ ὄντων* обосновывалъ тѣмъ, что Сынъ *οὐδὲ μέρος Θεοῦ, οὐδὲ ἐξ ἐποκειμένου τιπὸς*.

Но въ данномъ случаѣ, съ точки зрѣнія вопроса о Лукіанѣ, важно уже то одно, что Евсевій не высказывается ясно въ томъ смыслѣ, что Сынъ родился „изъ ничего“, *ἐξ οὐκ ὄντων*. — Рожденнымъ „изъ воли“ Отца признавалъ Сына

¹⁾ Lichtenstein S. 14.

и Оригенъ, который прямо полемизировалъ съ признающими, что было время, когда не было Сына, и у котораго это ученіе о рожденіи изъ воли Отца мало разнится отъ ученія о рожденіи изъ существа Отца, хотя по буквѣ и самъ Оригенъ относился къ этому ученію полемически по основаніямъ совершенно аналогичнымъ съ тѣми, по которымъ отвергали его и Евсевій никомидійскій и самъ Аріи.

Образъ происхожденія Сына, его ἀρχή, Евсевій, какъ и св. Ириней, Оригенъ, св. Александръ, Евсевій кесарійскій и всѣ оміи, (признаетъ не только невыразимымъ словомъ, но и непонятнымъ для мысли, не только человѣческой, но и выпечеловѣческой, а самого Сына, хотя и совершенно инымъ по природѣ и силѣ, чѣмъ Отецъ, и даже не участвующимъ въ его природѣ, однако совершенно подобнымъ сотворившему Его и по природѣ и по силѣ.)

На вопросъ же о времени рожденія Сына Евсевій не даетъ здѣсь совершенно никакого отвѣта. Что онъ совершенно согласенъ былъ въ этомъ случаѣ съ Аріемъ, доказываетъ отрывокъ изъ его письма къ Арію приводимый Анапасіемъ В. 1).

ὁ — ἀπὸ τῆς Νικομηδείας Εὐσεβίος... ἔγραψεν Ἀρείῳ καλῶς φρονῶν εὐχὸν πάντας οὕτως φρονεῖν. παντὶ γάρ ὁμῶν ἐστὶν ἵτι τὸ πεποιημένον οὐκ ἦν πρὶν γενέσθαι, τὸ γενόμενον δὲ ἀρχὴν ἔχει τὸ εἶναι.

Но интересно, что и въ этомъ письмѣ, онъ приводитъ это положеніе не безъ доказательствъ, ссылается на то самоочевидное въ его глазахъ положеніе, что „происшедшее должно имѣть начало бытія“. Слѣдовательно и положеніе οὐκ ἦν πρὶν γενέσθαι не было для Евсевія тезисомъ, освященнымъ преданіемъ, и потому онъ едвали совершенно случайно умалчиваетъ о немъ въ письмѣ къ Павлину.

(Если бы положенія: „ἦν ποτὲ ἵτε οὐκ ἦν“ (= „πρὶν γεννηθῆναι οὐκ ἦν“) и „ἐξ οὐκ ὄντων“ принадлежали самому Лукіану, то Евсевій никомидійскій высказался бы ясно въ этомъ смыслѣ и въ своемъ письмѣ къ Павлину.)

Слѣдовательно, термины эти принадлежать не Лукіану, а самому Арію. 1)

Выводъ этотъ косвенно подтверждаетъ и письмо самого Арія къ „солукіанисту“ Евсевію. Александрійскій пресви-

1) (de synod. n. 17).

теперь не умалчиваетъ здѣсь ни о „*πρὶν γεννηθῆναι οὐκ ἦν*“, ни объ „*ἐξ οὐκ ὄντων*“, но эти положенія и у него являются только какъ выводъ изъ того основнаго положенія, что Сынъ не есть нерожденный или—что тоже въ глазахъ Арія—безначальный, ни часть нерожденнаго, ни произошелъ изъ какого либо матеріала ¹⁾.

Если бы эти выраженія употреблялъ уже Лукіанъ, то Аріи едвали умолчали бы объ этомъ въ письмѣ къ своему „содукіанисту“ Евсеію.

Такимъ образомъ два письма двухъ лукіанистовъ даютъ намъ полное научное право заключать, что мученикъ Лукіанъ въ своемъ ученіи о Сынѣ Божіемъ не сдѣлалъ самъ тѣхъ крайнихъ выводовъ изъ своего ученія, какія сдѣлалъ потомъ Аріи, не дошелъ до открытаго признанія, что Сынъ Божій рожденъ во времени, изъ ничего и не существовалъ до своего рожденія.

До какой степени важенъ для сужденія о православіи Лукіана тотъ выводъ, что онъ не употреблялъ, говоря о рожденіи Сына Божія, выраженія *ἐξ οὐκ ὄντων*, показываетъ тотъ фактъ, что рожденнымъ во времени, предъ твореніемъ міра, признавали Слово Божіе и всѣ апологеты, не исключая ни Аѳинагора, ни Тертуліана, но такъ какъ рожденію Сына, какъ Слова произнесеннаго, *λόγος προφορικὸς*, по ихъ ученію, предшествовало существованіе его, какъ Слова внутренняго, *λόγος ἐνδιάθετος*, то ученіе ихъ было православно въ основѣ; Сынъ Божій являлся у нихъ дѣйствительнымъ, природнымъ Сыномъ Отца, Существомъ необходимо предполагаемымъ самимъ бытіемъ Бога Отца, какъ его Слово и Премудрость; и только непослѣдовательность, недостатокъ спекуляціи и зависимость отъ ходячихъ философскихъ представленій, не позволяли имъ дойти до признанія, что ихъ ученіе о двоякомъ Словѣ вноситъ моментъ конечности въ самое бытіе Бога и что признавая Сына Божія природнымъ Сыномъ Отца, Его Словомъ и Премудростію; они должны

¹⁾ ὁ Υἱὸς οὐκ ἀγεννήτος, οὐδὲ μέρος ἀγεννήτου—οὐδὲ ἐξ ἐποκειμένου τινός ἀλλ' ὅτι θελήματι καὶ βουλῇ ὄπισθε -- καὶ πρὶν γεννηθῆναι ἢ κτισθῆναι ἢ θεμελιωθῆναι οὐκ ἦν ἀγεννήτος γε οὐκ ἦν. διακόμμεθα ὅτι εἴπαμεν, ἀρχὴν ἔχει ὁ υἱὸς. ὁ δὲ θεὸς ἀναρχὸς ἐστίν. διὰ τοῦτο διακόμμεθα καὶ ὅτι εἴπαμεν, ὅτι ἐξ οὐκ ὄντων ἐστίν. οὕτως δὲ εἴπαμεν, καθότι οὐδὲ μέρος θεοῦ ἐστίν, οὐδὲ ἐξ ἐποκειμένου τινός.

бы, оставаясь послѣдовательными, и самое рожденіе Его признать актомъ столь же вѣчнымъ, какъ и самое бытіе Бога Отца 1).

Не высказываясь ясно въ томъ смыслѣ, что Слово Божіе произошло изъ ничего, какъ и всѣ остальные творенія, Лукіанъ, каковы бы ни были недостатки его догматической системы, оставался на почвѣ церковнаго ученія и потому не можетъ считаться „Аріемъ до Арія“.

Какимъ образомъ лукіанисты дошли до признанія Сына происшедшимъ изъ ничего, объяснить не трудно. По всей вѣроятности, полемика Евсевія Никомидійскаго противъ ученія о рожденіи изъ существа заимствована имъ у Лукіана, а этимъ послѣднимъ у Оригена: ученіе св. Александра александрійскаго само по себѣ не подавало никакого повода къ такой полемикѣ. Но это выраженіе отвергалъ Оригенъ, и Лукіанъ въ полемикѣ противъ него могъ пойти нѣсколько дальше Оригена. Но разъ Сынъ Божій не изъ существа Отца и не *ἐξ ἀλογικμένου τινός*, то откуда же? Самъ Лукіанъ очевидно не давалъ яснаго отвѣта на этотъ вопросъ, ссылаясь на непостижимость рожденія Сына. Но Арію поставилъ вопросъ ребромъ и рѣшилъ его: изъ ничего *ἐξ οὐκ ὄντων*.

Для освѣщенія вопроса о томъ, какъ училъ Лукіанъ объ отношеніи рожденія Сына ко времени, имѣетъ интересъ слѣдующее мѣсто въ письмѣ аріанъ къ Александру:

Καὶ ὁ μὲν Θεὸς αἰῶνος τῶν πάντων τυγχάνων, ἔστιν ἀναρχὸς μονώτατος. Ὁ δὲ Υἱὸς, ἀχρόνως γεννηθεὶς ἐπὶ τοῦ πατρὸς, καὶ πρὸ αἰώνων κτισθεὶς καὶ θεμελιωθεὶς, οὐκ ἦν πρὸ τοῦ γεννηθῆναι, ἀλλ' ἀχρόνως πρὸ πάντων γεννηθεὶς μόνος ἐπὶ τοῦ πατρὸς ὑπέστη. Οὐδὲ γὰρ ἔστιν αἰδιος, ἢ συναίδως, ἢ συναγέννητος τῷ πατρὶ· οὐδὲ ἅμα τῷ πατρὶ τῷ εἶναι ἔχει.

Итакъ Сынъ родился отъ Отца внѣ времени, *ἀχρόνως*, и прежде всѣхъ вѣковъ, и однако онъ не вѣченъ и не совѣченъ Отцу и не существовалъ до рожденія! Слѣд., понятія людей 3—4 в.в. о временномъ и вѣчномъ далеко не совпадали съ нашими: и „прежде всѣхъ вѣковъ“ и даже раньше времени, „въ безвременномъ состояніи“, *ἀχρόνως*, для нихъ всетаки мыслилось какое-то время. И вотъ въ этомъ то „вышевременномъ“ времени, по Арію, родился Сынъ Божій. Но

1) Ср. В. В. Болотовъ, Ученіе Оригена о Св. Троицѣ, 401—404.

съ другой стороны *αἰδιος*, для него означало тоже, что *ἀναρχος*: онъ не могъ представить себѣ вѣчнаго рожденія, и въ этомъ рѣшительно расходился съ Оригеномъ. Слѣд., выраженіе лукіановскаго символа „*πρὸ τῶν αἰώνων*“—допуская, что символъ этотъ въ основѣ лукіановскій—нисколько не противорѣчитъ предположенію, что Лукіанъ представлялъ себѣ рожденіе Сына актомъ временнымъ, и можетъ быть даже высказывался въ этомъ смыслѣ предъ своими учениками. Но съ другой стороны отмѣченное вербальное противорѣчіе въ письмѣ аріанъ къ Александру допускаетъ и такое объясненіе: самъ Лукіанъ училъ (какъ и Оригенъ) о рожденіи Сына не только предвѣчнымъ, но и довременномъ (*ἀρχότως*) въ строжайшемъ смыслѣ этого слова. Но такъ какъ Лукіанъ, при этомъ, какъ и Оригенъ, называлъ Сына твореніемъ, *κτίσμα*, прежде вѣкъ основаннымъ въ начало путей Отца, слѣд. рожденнымъ или созданнымъ для творенія міра; и особенно настаивалъ на томъ, что только одинъ Отецъ есть нерожденный и безначальный, то Аріій, для котораго *αἰδιος* было синонимомъ съ *ἀγέννητος* и *ἀναρχος*, сдѣлалъ отсюда выводъ, что слѣд. и Сынъ, хотя и рожденный прежде вѣковъ и времени, всетаки родился въ какое-то особое время и не существовалъ до рожденія.

Изъ письма Евсевія къ Павлину видно, что Лукіанъ обращалъ особенное вниманіе на слова Притчей 8, 2: Господь созда мя и пр... можетъ быть потому, что видѣлъ въ нихъ особенно сильное орудіе въ борьбѣ съ савелліанствомъ. И, можетъ быть, подобно Діонисію александрійскому, комментируя это мѣсто, заходилъ дальше, чѣмъ слѣдовало, въ сравненіи Сына Божія съ „прочими тварями“. Низлишне напомнить, что и въ символѣ Лукіана Сынъ Божій называется „перворожденнымъ всея твари, *πρωτότοκον πάσης κτίσεως*“. А изъ ученія о Сынѣ Божіемъ, какъ твари, слѣдовало конечно тотъ логическій выводъ, что Онъ произошелъ во времени и изъ ничего. Самъ Лукіанъ такого вывода не сдѣлалъ, но Аріій и другіе ученики его сдѣлали его, оставаясь „лукіанистами“, видя въ себѣ не творцовъ совершенно новой догматической системы, а совершенно вѣрныхъ учениковъ Лукіана, лишь сказавшихъ ясно то, что, предполагается, сказалъ бы, если бы нашелъ нужнымъ, и самъ учитель.

Обращаетъ на себя вниманіе и то обстоятельство, что

Евсевій никоидійскій приводитъ въ своемъ письмѣ то самое мѣсто изъ книги пророка Исаи (I, 2), какое, по словамъ Александра александрійскаго, приводили ариане, въ доказательство измѣняемости Сына въ нравственномъ отношеніи, хотя приводитъ и не съ тою цѣлью, какъ эти ариане. Можно, слѣд., думать, что и это мѣсто приводилъ уже самъ Лукіанъ. И такъ какъ ариане приводили это мѣсто для доказательства такого пункта своей доктрины, въ которомъ ихъ система соприкасается съ системою Павла самосатскаго, то само собою напрашивается предположеніе, что и самъ Лукіанъ приводилъ эти слова съ тою же цѣлью, какъ и ариане, слѣдовательно и онъ признавалъ Сына Божія измѣняемымъ по природѣ.—Но, спрашивается, почему же въ такомъ случаѣ, Евсевій никоидійскій приводитъ эти слова совсѣмъ съ другою цѣлью, доказывая ими только то, что названіе „Сынъ“ не доказываетъ, что Сынъ Божій родился изъ Самаго Существа Бога Отца? И почему оба лукіаниста, и Евсевій, и самъ Аріи въ письмахъ къ Евсевію и Александру, равно какъ и символъ Лукіана, называютъ Сына Божія неизмѣняемымъ *ἀτρέπτος καὶ ἀαλλοιώτος*?—Нельзя также оспаривать и того, что разъ ученіе Лукіана было гораздо болѣе возвышенно, чѣмъ ученіе Арія, то онъ едвали могъ признать Сына Божія измѣняемымъ нравственно.

Въ виду этого позволяю себѣ выставить такую гипотезу: цитату изъ Исаи I, 2 и Евсевій никоидійскій и ариане у Александра въ *Ἠφελσχος* взяли у Лукіана. Но первый взялъ его изъ позднѣйшихъ сочиненій Лукіана, писанныхъ имъ по примиреніи съ церковью; послѣдніе—изъ раннѣйшихъ, написанныхъ тогда, когда Лукіанъ находился внѣ церковнаго общенія и былъ послѣдователемъ Павла самосатскаго. Какъ ученикъ Павла, Лукіанъ пользовался этимъ текстомъ для доказательства, нравственной измѣняемости Христа, какъ человѣка, въ которомъ только обитало Слово. Но соединившись съ церковью и признавъ Христа за первую и совершеннѣйшую тварь, за второго Бога, Лукіанъ пересталъ считать его измѣняемымъ; и знакомымъ ему текстомъ изъ Исаи сталъ пользоваться для другой цѣли. Что ариане могли пользоваться и тѣми сочиненіями Лукіана, которыя онъ писалъ еще какъ ученикъ Павла самосатскаго, пожалуй даже и

вовсе не замѣчая въ нихъ ереси, доказываетъ хотя бы известная исторія съ твореніями Аполлинарія лаодикійскаго.

Возможно также (и даже и очень вѣроятно), что переходъ Лукіана отъ Павла самосатскаго къ церкви былъ постепенный, и относительно нѣкоторыхъ его сочиненій (писемъ) очень трудно было рѣшить, написаны ли они Лукіаномъ—схизматикомъ, или Лукіаномъ—пресвитеромъ антиохійскимъ. Можетъ быть, изъ одного изъ такихъ, написанныхъ въ переходномъ состояніи, сочиненій Лукіана ариане и заимствовали ученіе о нравственной измѣняемости Сына Божія съ ссылкой на Исаиі 1, 2.

Изложенная гипотеза—какъ ни рискованна можетъ показаться она на первый взглядъ—представляется мнѣ весьма правдоподобной потому, что она, кажется, даетъ возможность наилучшимъ образомъ объяснить колебаніе Арія и его послѣдователей въ вопросѣ о томъ, нужно ли признавать Сына Божія измѣняемымъ или неизмѣняемымъ. Въ догматической системѣ вполне оригинальной, такое колебаніе было совершенно непонятно. Не вполне понятно это и въ томъ случаѣ, если предположить что Арій и его союзники лукіанисты пользовались лишь тѣми сочиненіями Лукіана, въ которыхъ его ученіе излагалось имъ уже въ окончательной формѣ. Но это колебаніе вполне понятно, какъ отраженіе двухъ различныхъ стадій развитія догматической системы Лукіана: ученіе о Сынѣ Божіемъ, какъ измѣняемомъ, принадлежитъ Лукіану, какъ ученику Павла самосатскаго; Лукіанъ же православный пресвитеръ антиохійскій считалъ Его неизмѣняемымъ и непреложнымъ.

Становится теперь понятнымъ и отношеніе къ Лукіану оміусіанъ, и тотъ фактъ, что приписываемый ему символъ—2-я антиохійская форма—отличается столь возвышеннымъ содержаніемъ. Если бы ученіе Лукіана было чистымъ арианствомъ, то оміусіане—рѣшительные противники аноміетства—не стали бы именно на него ссылаться какъ на свой авторитетъ, и 2-я антиохійская формула не только не могла бы принадлежать ему, но и не была бы ему приписана.

Письма двухъ лукіанистовъ даютъ, кажется, возможность высказаться опредѣленнѣе и по вопросу о томъ, дѣйстви-

тельно ли 2-я антиохійская формула—и въ какой мѣрѣ—принадлежитъ Лукіану 1).

Выше уже отмѣчены нѣкоторыя точки соприкосновенія этого символа съ письмами лукіанистовъ:

1. *Πρὸ τῶν αἰώνων* cf. Arii ad. Euseb: *πρὸ χρόνων καὶ πρὸ αἰώνων*; ad. Alex. *πρὸ χρόνων αἰωνίων δι' οὓ καὶ τοὺς αἰῶνας καὶ τὰ ὅλα πεποιήκε—πρὸ χρόνων καὶ πρὸ αἰώνων κτισθέντα—ἀχρόνως γεννηθεὶς—καὶ πρὸ αἰώνων κτισθεὶς καὶ θεμελιωθεὶς.*—Euseb. ad. Paulin (въ цитатѣ изъ Притч. 8, 23): *πρὸ τοῦ αἰῶνος ἐθεμελίωσε με.*—Изъ письма Евсевія къ Павлину видно, что выраженіе *πρὸ τῶν αἰώνων* заимствовано изъ Притч. 8, 23—изъ классическаго библейскаго текста арианъ. Конечно, оттуда взялъ его и самъ Лукіанъ.

2. *ἀτρέπτον τε καὶ ἀναλλοίωτον* cf. Arii ad. Euseb. *ἀναλλοίωτον* ad. Alex. *ἀτρέπτον καὶ ἀναλλοίωτον* Euseb. *τῇ ἀναλλοιώτῳ—φύσει.*

3. *πρωτοτόκον πίστεως κτίσεως* (Колосс. I, 15). На это выраженіе ап. Павла ни Аріи и Евсевій не ссылаются къ своимъ письмамъ. Но и оно безспорно лежитъ въ основѣ ихъ воззрѣній на Сына Божія, какъ на тварь.

4. Но особенно интересны слова въ заключительной части припискѣ—къ символу Лукіана (аналогичной съ никейскимъ анаеоматизмомъ), во 2-мъ анаеоматизмѣ: *Καὶ εἴ τις λέγει τὸν Υἱὸν κτίσμα ὡς ἐν τῶν κτισμάτων, ἢ γέννημα ὡς ἐν τῶν γεννημάτων, ἢ ποιήμα ὡς ἐν τῶν ποιημάτων—ἀνάθεμα ἔστω.* Сравн. Arii ep. ad. Alex.—*κτίσμα τοῦ Θεοῦ τέλειον, ἀλλ' οὐχ' ὡς ἐν τῶν κτισμάτων, γέννημα, ἀλλ' οὐχ' ὡς ἐν τῶν γεννημάτων.*—Въ особенноти интересно это букввальное совпаденіе лукіановскаго символа съ посланіемъ *Ἡ πίστις ἡμῶν*, если признать вмѣстѣ съ Швартцемъ, что исповѣданіе вѣры въ этомъ посланіи составлено на виѣнскомъ соборѣ, слѣд., можетъ считаться духовною собственностью не одного Арія, но и Евсевія никомидійскаго, Θεогнія никейскаго и Марія халкидонскаго; слѣд., цѣлой группой виднѣйшихъ лукіанистовъ.

Правда, по изслѣдованію извѣстнаго спеціалиста въ вопросѣ о символахъ Каспари, заключительная часть 2-й антиохійской формулы, начиная со словъ *ταύτην οὐκ ἔχοντες τὴν πίστιν*, прибавлена на самомъ антиохійскомъ соборѣ 341 года и не можетъ, какъ текстъ, принадлежать Лукіану. Но такъ

1) Ср. *Спасскій*, 159—160, 432.

какъ и относительно главной части символа далеко не бесспорно, что она представляет собою совершенно буквальное воспроизведение исповѣданія вѣры, составленнаго самимъ Лукіаномъ, то нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что отцы антиохійскаго собора приведенное мѣсто заимствовали у Лукіана. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что не могли же отцы антиохійскаго собора 341 года заимствовать это выраженіе изъ письма Арія къ Александру. Правда письмо это, какъ доказалъ В. Н. Самуиловъ, впоследствии получило значеніе авторитетнаго догматическаго памятника въ глазахъ оміи-ской партіи. Но въ 341 году оміи еще не выдѣлились какъ особая партія изъ ряда другихъ антиникеецевъ, и на соборѣ *ἐν τοῖς ἐγκαινίοις* большинство несомнѣнно составляли правые оригенисты, для которыхъ ученіе Арія было совершенно неприемлемо и въ томъ видѣ, какъ оно излагается въ письмѣ къ Александру. И сами авторы 2-й антиохійской формулы въ 1 анафематизмѣ стараются отклонить отъ себя всякое подозрѣніе относительно того, что они признаютъ существованіе какого-то времени до рожденія Сына. *Καὶ εἴ τις παρὰ τὴν ἑγὴν τῶν γραφῶν πιστὴν διδάσκει λέγων ἢ χρόνον, ἢ καιρὸν, ἢ αἰῶνα, ἢ εἶναι ἢ γεγενῆσθαι, πρὸ τοῦ γεννηθῆναι τὸν Υἱὸν α. ε.* Въ посланіи *Ἡ πιστις* прямо сказано, что Сынъ не существовалъ до рожденія, *οὐκ ἦν πρὶν τοῦ γεννηθῆναι*, и не совѣченъ Отцу.—Поэтому я склоненъ думать, что выраженіе *κτίσμα* ἀλλ' οὐχ ὡς ἐν τῶν κτισμάτων, *γέννημα*, ἀλλ' οὐχ ὡς ἐν τῶν γεννημάτων, и самимъ Аріемъ заимствовано у Лукіана.

(Можетъ быть, неизлишне указать и на то, что эта фраза въ символѣ Лукіана нѣсколько полнѣе, чѣмъ у Арія, у котораго нѣтъ ничего соотвѣтствующаго словамъ символа: *ποίημα*, ἀλλ' οὐχ ὡς ἐν τῶν ποιημάτων).

5. Въ символѣ Лукіана Сынъ Божій называется „неразличнымъ образомъ“ „божества, существа, совѣта, силы, и славы Отца“. У Арія нѣтъ параллелей къ этому.

[Можно развѣ лишь указать параллель къ слову *δόξης* въ ер. ad. Alex. *καὶ τὸ ζῆν καὶ τὸ εἶναι παρὰ τοῦ πατρὸς εἰληφότα, καὶ τὰς δόξας συνυποστήσαντος αὐτῷ τοῦ πατρὸς—παρὰ τοῦ Θεοῦ τὸ εἶναι ἔχει καὶ τὰς δόξας καὶ τὸ ζῆν*; здѣсь слово *δόξα* могло быть взято у Лукіана; но смыслъ его употребленія совершенно иной у Лукіана и Арія].

Но Евсевій никомидійскій говорить о „совершенномъ по-

добѣи расположенія и силы“ Отца и Сына. Разница между символомъ Лукіана и Евсевіемъ въ этомъ отношеніи, конечно, неоспорима. Символь Лукіана есть документъ совершенно оміусіанскій по своему смыслу, письмо Евсевія только оміійскій. Но кажется естественнѣе думать, что Евсевій сдѣлалъ здѣсь уклонъ влѣво отъ ученія Лукіана, чѣмъ что отцы антиохійскаго собора 341 года уклонились вправо, или даже заимствовали это выраженіе не у Лукіана.

Такимъ образомъ, сличеніе 2-й антиохійской формулы съ письмами двухъ лукіанистовъ подтверждаетъ показаніе оміусіанъ, что эта формула по содержанію и до известной степени и по фразѣ принадлежитъ мученику Лукіану. Это подтверждаетъ и общій характеръ символа: обиліе въ немъ терминовъ, заимствованныхъ изъ Священнаго Писанія, какъ „Слово живое, Премудрость живая, Свѣтъ истинный, Путь, Истина, Воскресеніе, Пастырь, Дверь“. Въ пресвитерѣ Лукіанѣ, много потрудившемся для установки греческаго текста Св. Писанія, основателѣ той богословско-экзегетической школы, которая въ противовѣсъ аллегоризму александрійцевъ, выдвигала на первый планъ буквальный смыслъ Писанія, естественно ожидать особенной любви къ библейскимъ выраженіямъ. Не даромъ и въ 4 вѣкѣ лукіанисты и ихъ союзники въ борьбѣ съ никейскимъ символомъ съ особенною настойчивостью указываютъ на то, что въ него внесены не библейскія выраженія, и въ свои собственныя вѣроизложенія, чтобы показать ихъ согласіе съ Св. Писаніемъ, прямо вносятъ выраженіе *κατὰ τὰς γραφάς*.

Слѣдовательно, для реконструкціи ученія Лукіана, мы смѣло можемъ, подлѣ писемъ Евсевія никомидійскаго и Арія, пользоваться и „символомъ Лукіана“—2-й антиохійской формулой.

Въ какомъ же видѣ представляется ученіе Лукіана о Св. Троицѣ по этимъ источникамъ?

Существуетъ одинъ только нерожденный и безначальный Богъ Отецъ, Вседержитель, Творецъ всего и Промыслитель, изъ Котораго все, Единый Истинный Богъ, Единый имѣющій безсмертіе, Единый Премудрый, Единый, Благій, неизмѣнный и непреложный, Богъ закона и пророковъ и Новаго завѣта. Онъ прежде всѣхъ вѣковъ родилъ Сына своего, Единороднаго Бога, чрезъ котораго создалъ и вѣка и все,

Бога отъ Бога, Совершеннаго изъ Совершеннаго, Единаго изъ Единаго, Слово живое, живую Премудрость, Свѣтъ истинный, Путь, Истину, Воскресеніе, Пастыря, Дверь; родиль его не призрачно, а по истинѣ, не изъ существа Своего, а по своей волѣ, неизмѣннаго и непреложнаго, неразличный образъ Божества, существа, совѣта силы и славы Отца, совершенно подобнаго Ему, перворожденнаго всеї твари, твореніе Божіе совершенное, но не какъ одно изъ твореній, рожденіе, но не какъ одно изъ рожденій, сущее въ началѣ къ Богу Бога Слова (*Θεὸν Λόγον*, не *τὸν Θεὸν Λόγον*), а въ послѣдніе дни спешаго свыше и родившагося отъ Дѣвы по писаніямъ и сдѣлавшагося человѣкомъ, посредникомъ между Богомъ и людьми, апостола вѣры нашей, и начальника жизни, какъ онъ говоритъ, что „сподохъ съ небесе не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца“ (Іоан. 6, 38), страдавшаго за насъ, воскресшаго въ третій день и восшедшаго на небеса и сѣдѣвшаго одесную Отца, и паки грядущаго съ славою и силою судить живыхъ и мертвыхъ; и въ Духа Святаго, даваемого вѣрующимъ въ утѣшеніе, освященіе и совершеніе, какъ Самъ Господь сказалъ: Мѣ. 28, 29, гдѣ именно Отецъ и Сынъ и Духъ Св. означаютъ присущую каждому ипостась, порядокъ и славу такъ, что они—три по ипостаси, но едино по сгласію.

Совершенно безспорно, что въ такомъ видѣ ученіе Лукіана представляется гораздо болѣе близкимъ къ ученію Оригена, чѣмъ къ ученію Арія или даже Евсевія никомидійскаго. Средство лукіановскаго символа съ оригенизмомъ замѣтилъ и А. А. Спасскій. Онъ говоритъ (стр. 324): „На самомъ дѣлѣ традиціонный авторитетъ второй формулы возвышался дальше Лукіана. Въ текстѣ ея встрѣчаются выраженія Оригена и цѣлыя обороты, буквально взятые изъ знаменитаго символа Григорія Чудотворца“. Но такъ какъ Григорій Чудотворецъ былъ ученикомъ самого Оригена, то и мѣста общія въ символахъ Григорія и Лукіана, вѣроятно, нужно отнести на счетъ Оригена.—А. А. Спасскій, судя по стр. 173—176 (176: „система Арія была самобытна и оригинальна“ за исключеніемъ зависимости ея отъ ученія Павла самосатскаго стр. 175) не допускаетъ никакой связи между чистымъ арианствомъ и оригенизмомъ. Но по моему, если

въ чемъ правъ Гарнагъ, такъ это въ томъ, что и въ основѣ арианства чрезъ посредство лукіанизма лежитъ тотъ же оригинализмъ. Зависимость отъ Оригена ясна не только въ символѣ Лукіана, но напр. и въ посланіи *Ἡ πίστις ἡμῶν*: выраженіе: *μόνον ἀληθινόν, μόνον ἀθανάσιον ἔχοντα, μόνον ἀγαθόν* безспорно взято здѣсь посредственно или непосредственно у Оригена. Вотъ почему я принимаю эти выраженія за лукіановскія. Позволю себѣ напомнить, что переходъ Лукіана изъ общества Павла самосатскаго въ церковь совершился въ такую эпоху, когда былъ безспорно *ἐν ἀξιολογωτάτοις Ὁριγένης*, какъ не только самый выдающійся, но и почти единственный церковный богословъ на Востокъ, написавшій первый и долго потомъ не повторявшійся, хотя и далеко не во всемъ строго церковный, опытъ системы христіанскаго вѣроученія, и огромное количество экзегетическихъ трудовъ. Мыслимо ли, чтобы віяніе Оригена совершенно не коснулось Лукіана и по переходѣ его въ церковь?—Лукіанъ, самъ человѣкъ ученый и продолжатель трудовъ Оригена, по критикѣ текста Св. Писанія, не могъ не цѣнить Оригена, какъ величайшаго христіанскаго ученаго, и необходимо долженъ былъ ознакомиться съ его трудами. И такъ какъ ученіе Оригена о св. Троицѣ до 325 года, повидимому, не вызывало на востокѣ никакихъ сомнѣній и признавалось едва-ли не самымъ чистымъ выраженіемъ церковнаго ученія, то перейдя въ церковь, Лукіанъ даже необходимо долженъ былъ ознакомиться съ „богословіемъ“ Оригена. Поэтому, я не вижу ни малѣйшихъ основаній сомнѣваться въ томъ, что оригенистическіе элементы въ символѣ Лукіана могутъ принадлежать самому Лукіану.

Система Лукіана, есть, по моему, система Оригена, но изложенная въ томъ видѣ, въ какомъ она доступна была пониманію Лукіана, какъ аристотелика, и вмѣстѣ съ тѣмъ первый шагъ влѣво отъ Оригена. Какъ для аристотелика, человѣка съ сухимъ разсудочнымъ мышленіемъ, для Лукіана едва ли понятно было возвышенное, но и утонченное оригеновское ученіе о Богѣ, какъ существѣ настолько абстрактномъ, что къ Нему едвали приложимо даже названіе „существо“ *οὐσία*, какъ о безусловно-единомъ и простомъ, какъ *ὄντως* въ смыслѣ потенціи, и о Сынѣ, какъ Его энергій, какъ Его *вѣчною* Слово и Премудрости, рождающейся отъ

Отца вѣ времени и постоянно. Приводя оригеновскіе термины въ родѣ *λόγος ζῶν, σοφία ζῶσα, φῶς, εἶκόν*, Лукіанъ влагалъ въ нихъ вѣроятно нѣсколько иное содержаніе. Его *πρὸ τῶν αἰώνων* далеко не точно соотвѣтствуетъ оригеновскому *ἀεί*. Возможно, что тутъ сказался не одинъ недостатокъ спекуляціи, но и полемическое отношеніе къ оригенову ученію о вѣчномъ твореніи міра. До открытаго признанія Сына Божія происшедшимъ во времени Лукіанъ однако не дошелъ. Но за то онъ особенно настаивалъ на томъ, что Сынъ есть твореніе, хотя и не какъ одно изъ твореній, и что онъ произошелъ не изъ существа Отца, а что рожденіемъ его происхожденіе можно назвать лишь въ переносномъ смыслѣ.

Ἐκ τῆς οὐσίας отвергалъ и Оригенъ, и у него встрѣчается слово *κτίσμα* въ приложеніи къ Сыну. Однако его собственное ученіе о рожденіи Сына изъ воли Отца весьма близко подходитъ къ ученію о рожденіи изъ существа Отца. Рожденнымъ изъ воли Отца *ἐκ τοῦ βουλήματος* признавалъ Сына и Лукіанъ и называлъ его образомъ сущности Отца; но повидимому полемика съ *ἐκ τῆς οὐσίας* у него имѣла болѣе рѣшительный смыслъ. *Κτίσμα* и *ποίημα* Лукіанъ повидимому употреблялъ чаще Оригена. И конечно оригеновскіе: *Ἄυτολόγος, Ἄυτοσοφία, Ἄυτοαλήθεια, Ἄυτοδικαιοσύνη* гораздо возвышеннѣе, чѣмъ лукіановскіе *λόγος ζῶν, σοφία ζῶσα, Αλήθεια*.—И однако нельзя, кажется, указать ни одного пункта, гдѣ Лукіанъ въ ученіи о Сынѣ Божіемъ дѣлалъ бы рѣшительный уклонъ влѣво отъ Оригена. Разъ онъ не дошелъ до открытаго и совершенно сознательнаго признанія, что Сынъ Божій родился во времени и изъ ничего, то онъ былъ въ ученіи о Сынѣ Божіемъ только оригенистомъ *sui generis*, а не Аріемъ до Арія.

Свящ. Д. Лебедевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Свидѣтельство о зависимости арианства отъ ученія Лукіана (3—4).
Гипотеза Гарнака (4—5), ея достоинства (5—9) и недостатки (9—10).
Попытка А. А. Спасскаго защитити православіе Лукіана и ея недостаточность (10—12). Письмо Евсевія никомидійскаго къ Павлину тирскому, какъ источникъ для реконструкціи системы Лукіана (13—16). Письмо Арія къ Евсевію (15—16). Выводъ изъ этихъ писемъ лукіанистовъ по вопросу о православіи Лукіана (17—18). Вопросъ объ отношеніи Лукіана къ ученію о вѣчномъ рожденіи Сына (18—19). Слово Исаи I, 2 у Евсевія и у арианъ (20). Гипотеза о происхожденіи арианскаго ученія объ измѣняемости Сына Божія (20—21). Вопросъ о принадлежности Лукіану 2-й антиохійской формулы (21—24). Опытъ реконструкціи системы Лукіана (24—25). Лукіанъ и Оригенъ (стр. 25—27).

Важнѣйшія опечатки.

	напечатано.	нужно читать.
стр. 4 прим. строка 4	<i>ἑσβεβείας</i>	<i>ἁσβεβείας</i>
" 6 прим. " 28	<i>φῆσι</i>	<i>φύσει</i>
" — " " 29. 35. 36. 38. 40	<i>п. 6. п. 7. п. 4. nn 5—6</i>	<i>п. 6. п. 7. п. 4. nn 5. 6</i>
" — " " 31	<i>Θάλακ</i>	<i>Θάλαια</i>
" 7 прим. " 35	<i>ἐξαιρετον</i>	<i>ἐξαιρετον</i>
" 8 прим. 1 " 1	<i>de sin</i>	<i>de syn.</i>
" — " " 2	<i>αἰωνῶν</i>	<i>αἰώνων</i>
" — " " 3	<i>ἰδίω θελήματι</i>	<i>ἰδίῳ θελήματι</i>
" — " " 5	<i>ἰδιᾶ</i>	<i>ἰδίῳ</i>
" — " " 7—8	неизмѣняемо и непреложно	неизмѣняемымъ и непреложнымъ
" 9 " 9	<i>ἐξ οὐκ ὄντων</i>	<i>ἐξ οὐκ ὄντων</i>
" — прим. " 3	<i>ἰδίω θελήματι</i>	<i>ἰδίῳ θελήματι</i>
" 12 прим. 1 " 2	<i>γεννηθέντα</i>	<i>γεννηθέντα</i>
" 13 " 16	рекомендации	реконструкции
" — прим. " 2	<i>σοφίαν, ζῶσαν</i>	<i>σοφίαν ζῶσαν</i>
" 14 " 6	<i>ἕτερον</i>	<i>ἕτερον</i>
" — " 11	<i>ὑποθέμενον</i>	<i>ὑποθέμενοι</i>
" 15 " 20	основаль*	оставиль*
" 16 " 13	участвующимъ	участвующимъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Свидѣтельство о зависимости арианства отъ ученія Лукіана (3—4).
Гипотеза Гарнака (4—5), ея достоинства (5—9) и недостатки (9—10).
Попытка А. А. Спасскаго защитить православіе Лукіана и ея недостаточность (10—12). Письмо Евсевія никомидійскаго къ Павлину тирскому, какъ источникъ для реконструкціи системы Лукіана (13—16). Письмо Арія къ Евсевію (15—16). Выводъ изъ этихъ писемъ лукіанистовъ по вопросу о православіи Лукіана (17—18). Вопросъ объ отношеніи Лукіана къ ученію о вѣчномъ рожденіи Сына (18—19). Слово Исаи I, 2 у Евсевія и у арианъ (20). Гипотеза о происхожденіи арианскаго ученія объ измѣняемости Сына Божія (20—21). Вопросъ о принадлежности Лукіану 2-й антиохійской формулы (21—24). Опытъ реконструкціи системы Лукіана (24—25). Лукіанъ и Оригенъ (стр. 25—27).
